

Современный дилетантизм

© 2020 г. М.Л. Пятов^{1*}, В.Н. Рогожникова^{2**}

¹ Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, 191194, ул. Чайковского, д. 62.

² Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Москва, 119234, ул. Ленинские горы, д. 1, стр. 46.

* E-mail: m.pyatov@spbu.ru

** E-mail: veselial@mail.ru

Поступила 20.10.2019

Статья предлагает новое понимание дилетантизма как характеристики современного мировоззрения на основе оценки развития информационных технологий в качестве элемента эволюции человека. Внутривидовая конкуренция определяется как фактор вхождения новых технологий в повседневность. Рассматриваются предпосылки новой самоидентификации человека в связи с развитием технологической среды его существования в начале XXI в. Современность характеризуется как время иллюзии обладания информационным пространством. Прослеживается формирование современного дилетанта, принимающего решения и действующего на основе иллюзии непосредственного взаимодействия с глобальной средой данных. Авторы приходят к выводу, что противопоставление человека и технологий не позволяет объяснить последствия его взаимодействия с новым информационным пространством. Теоретико-методологическим основанием для такой постановки вопроса послужили отдельные положения теории инструментальной эволюции М. Маклюэна, концепции постсовременности Э. Гидденса и идеи «плоского мира» Т. Фридмана.

Ключевые слова: дилетант, дилетантизм, эволюция, технологии, инструмент, информация, человек, современность, восприятие, поведение, экспертная система, Интернет.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–7-202-213

Цитирование: Пятов М.Л., Рогожникова В.Н., Современный дилетантизм // Вопросы философии. 2020. № 7. С. 202–213.

Modern Dilettantism

© 2020 Michail L. Pyatov^{1*}, Varvara N. Rogozhnikova^{2**}

¹ Saint-Petersburg State University,
62, Tchaikovskogo str., Saint-Petersburg, 191194, Russian Federation.

² Lomonosov Moscow State University,
1, bld. 46, Leninskie Gory str., Moscow, 119234, Russian Federation.

*E-mail: m.pyatov@spbu.ru

**E-mail: veselial@mail.ru

Received 20.10.2019

The article offers a new understanding of dilettantism as the characteristic of a modern worldview on the basis of assessment of information technologies development as of an element of human evolution. The intraspecific competition is defined as a factor of entry of new technologies into daily occurrence. Article considers the prerequisites of a new self-identification of human beings in connection to the development of the technological environment of their existence at the beginning of the 21st century. The modernity is characterized as the time of illusion of possession of information space. The paper traces the formation of a modern amateur making decisions and acting on the basis of an illusion of the direct interaction with the global environment of data. Authors come to the conclusion that opposition of human being and technologies does not allow to explain consequences of interaction between humans and new information space. The theoretical and methodological bases for such a formulation of the problem are the particular provisions of the theory of instrumental evolution of M. McLuhan, the concept of the post-modernity of A. Giddens, and the idea of “the flat world” of Th. Friedman.

Keywords: amateur, dilettantism, evolution, technologies, information, human being, modernity, perception, behavior, expert system, internet.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–7-202-213

Citation: Pyatov, Michail L., Rogozhnikova, Varvara N. (2020) “Modern Dilettantism”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 7 (2020), pp. 202–213.

Введение

Техника и технологии становятся предметом специального внимания философии уже в XIX в. В настоящее время можно выделить два направления этой дискуссии: первое (превалирующее) рассматривает человека и технику, им создаваемую, как самостоятельные по отношению друг другу объекты. Это позволяет говорить о перспективах использования техники человеком, проблемах сосуществования человека и техники, развивающем или (наоборот) ограничивающем влиянии техносреды на человека, наконец, об угрозах (вызовах) со стороны технологий в отношении человека и общества, некоем «порабощении» человека техникой и т.п. Здесь можно назвать работы Л. Мамфорда, рассматривавшего технику как инструмент власти [Мамфорд web]; М. Хайдеггера, видевшего в технологиях некое зеркальное отражение человека и общества в определенные моменты развития [Хайдеггер web]; Т. Адорно, обсуждавшего проблематику зависимости человека от техники как продукта развития общества [Адорно web]. К данному направлению развития «философии техники» можно отнести труды Н. Винера, поднимающие проблему коммуникации человека и машины как

нового организма [Винер web], а также Х. Сколимовски, рассматривавшего технологию как форму человеческого знания [Skolimowski 1966, 372], и Э. Тоффлера, видевшего в компьютере единственное средство против разрозненности культуры информации [Тоффлер 2002]. Конечно, здесь нельзя не вспомнить и Н.А. Бердяева с его противопоставлением техники всему органическому [Бердяев web].

Такое направление дискуссии задает и тематику обсуждения перспектив влияния развития технологий на человека и его деятельность. Здесь преимущественно речь идет об оценке тех возможностей, которые появляются у участников общественных отношений благодаря использованию новых инструментов [Льюис 2004], и о прогнозах относительно возможных изменений в распределении благ в связи с роботизацией различных направлений социальной деятельности: см., например [Белл 2004; Форд 2016; Шваб 2019].

Второе направление этой дискуссии берет начало в работах Э. Каппа – автора известной концепции органопроекции, рассматривавшего технологии как развитие тех или иных органов человека [Капп web]. Экзосоматическими органами называл используемые человеком инструменты и К. Поппер [Поппер 2008]. Этот подход предлагает нам увидеть в технологиях результат собственной эволюции, что принципиально исключает возможность противопоставления человека и технологии. Наиболее ярко эта позиция представлена в работах М. Маклюэна, прежде всего в книге «Война и мир в глобальной деревне» [Маклюэн, Фиоре 2012]. Эта точка зрения позволяет объяснять каждую новую фазу технологического развития общества как в том числе и очередную ступень эволюции человека. Иными словами, новая технология в определенном смысле дает нам нового человека, и осознание этих новаций – одна из значимых задач философского осмысления современности.

Определяющая характеристика технологической революции, современниками которой мы выступаем, – это развитие информационных технологий, необратимо трансформировавших как среду нашего существования, так и нас самих. С нашей точки зрения, особый интерес проблема влияния технологий на человека в начале XXI в. представляет в контексте изменения его самоидентификации как субъекта, определенным образом воспринимающего сведения об окружающей действительности. Речь идет о новых паттернах поведения субъекта в обществе и, отчасти, об изменении самой социальной структуры. Эти вопросы могут выступать предметом таких наук, как психология, нейрофизиология, нейробиология, психиатрия и других областей знания, вместе с тем они чрезвычайно интересны и с философской точки зрения. В данном контексте это, прежде всего, развитие осмысления природы человека, общества и технологий. Ключевыми философско-методологическими основаниями дискуссии о взаимосвязи развития технологий и самоидентификации человека могут служить: концепция «третьего мира» К. Поппера, теория инструментальной эволюции М. Маклюэна, теория постсовременности Э. Гидденса, а также идея «плоского мира» Т. Фридмана. Названные идеи позволяют выделить три этапа развития самоидентификации человека, в рамках которых в качестве ключевых определяющих его мировосприятия выступают вера, доверие и дилетантизм. Последняя стадия, с нашей точки зрения, начинает формироваться в конце XX в. именно вследствие развития современных информационных технологий. Становится возможным все более свободное распространение знания посредством небывалого упрощения доступа к нему, размываются социальные границы, в частности, между теми, кого мы называем профессионалами (и их объединениями) и дилетантами, что, в сущности, приводит к возможности нового понимания феномена дилетантизма. Обсуждению этой гипотезы и посвящена предлагаемая статья, в которой мы предпринимаем попытку нового осмысления дилетантизма, предлагая рассматривать его как характеристику современного типа мировоззрения в целом.

Технологии в эволюции человека и общества

Наше прогрессивное развитие – это развитие технологий: от использования первых инструментальных приспособлений до новейшей современной техники. То, что другими видами живых существ достигается путем биологической эволюции, человек приобретает посредством эволюции инструментальной. По определению К. Поппера, «инструменты – это в некотором роде экзосоматические органы» [Поппер 2008, 30]. Технологии, такие как лопата, нож, прирученная лошадь, подзорная труба, поезд, самолет, смартфон – это не что иное, как формы нашей эволюции – то есть, в определенном смысле, мы сами.

Каждый шаг инструментальной эволюции человека, значимо обновляя условия его существования, первоначально приводит к определенной экзистенциальной растерянности. Согласитесь, удивительно современно звучат слова А.И. Герцена, характеризующие последствия технологического прогресса первой половины XIX в.: «Мы живем на рубеже двух миров – оттого особая тягость, затруднительность жизни для мыслящих людей. Старые убеждения, все прошедшее миросозерцание потрясены – но они дороги сердцу. Новые убеждения, многообъемлющие и великие, не успели еще принести плода; первые листья, почки пророчат могучие цветы, но этих цветов нет, и они чужды сердцу» [Герцен 1954, 7]. В настоящее время наше «миросозерцание» «потрясают» информационные технологии. С другой стороны, людям, первыми освоившим новую технологию, ее использование дает определенное конкурентное преимущество, снижая при этом их экзистенциальный страх перед фигурой соперника. Здесь можно вспомнить Десмонда Морриса и его «голых обезьян» [Моррис 2018], а также идеи «дарвиновской экономики» Роберта Фрэнка [Фрэнк 2013].

Социодинамическая роль технологий, в контексте идей А. Моля [Моль 1973], состоит в их влиянии на человека посредством трансформации окружающей его среды, частью которой они являются. Иными словами, как пишет профессор С.А. Храпов, «новый тип цивилизации, ее техногенный характер сформировал особую техногенную социокультурную реальность» [Храпов 2019, 91]. Здесь мы можем наблюдать как очевидные физиологические изменения представителей вида (изменение «среднестатистического» человека под воздействием использования технологий), так и динамику механизмов восприятия нами окружающей среды. По утверждению М. Маклюэна, «Дарвин и Маркс проигнорировали искусственную окружающую среду в своих теориях эволюции» [Маклюэн, Фиоре 2012, 42]. Но, «поскольку новые информационные окружающие среды суть прямые расширения нашей нервной системы, они состоят в значительно более тесной связи с условиями человеческого существования, нежели былая “естественная” окружающая среда» [Там же, 44]. При этом, «всякая контролируемая окружающая среда, всякая рукотворная окружающая среда выступает как фактор приспособляемости» [Там же, 81].

Безусловно, развитие технологий – это черта социальной жизни, свойственная отнюдь не только XXI в. Вместе с тем, до недавнего времени, взаимодействие с формируемой этими технологическими новациями искусственной окружающей средой осуществлялось участниками общественных отношений преимущественно на основе взаимодействия с профессионалами в соответствующих областях знания. Развитие технологий и специализация знаний только усиливали это обстоятельство, что воплотилось в наблюдавшуюся в прошлом столетии организацию социального взаимодействия между дилетантами и профессионалами. Так, по мнению Э. Гидденса, социум конца XX в. характеризовался тем, что природа его институтов была «глубоко связана с механизмами доверия к абстрактным системам, особенно к экспертным системам» [Гидденс 2011, 212].

Формирование экспертных систем и экспертных сообществ традиционно было связано с кастовостью, закрытостью определенных областей знания и деятельности, формирующих некие социальные ритуалы реализации этих навыков. Наличие таких ритуалов одновременно служило и базисом формирования доверия к таким сообществам

со стороны широкой публики (дилетантов), и сигналом ограниченности, элитарности доступа к соответствующей области профессиональной деятельности. Как тут не вспомнить строки из сочинения Роджера Бэкона «О тайных деяниях искусства и природы и о ничтожности магии», где он давал советы по поведению медикам – профессионалам: «Однако следует учесть и то, что опытный врач, да и любой, кто должен воодушевить [другого], может с пользой употреблять заклинания и заговоры, пусть даже и пустые... И это не потому, что сами магические формулы и заклания делают нечто, но для того, чтобы пациент воодушевился, более охотно и с большим желанием принимал лекарство, больше уповал, надеялся [на выздоровление] и пребывал в хорошем расположении духа, поскольку когда он воодушевлен, его душа может многое восстанавливать в своем теле, так что он выздоровеет благодаря доверию и хорошему расположению духа» [Бэкон 2005, 423].

«Наука, – по утверждению Гидденса, – таким образом, имеет давно поддерживаемый образ надежного знания, который перетекает в установку уважения к большинству форм технической специализации... [однако] ...потребность в доверии возникает лишь там, где есть неведение. ...[отсюда] популярные представления о научной и технической экспертизе по преимуществу ставятся в один ряд с установками враждебности или страха... На профессии, где требование к специальному знанию видится в основном как “закрытое предприятие”, а обладание внутренней терминологией кажется изобретенным для защиты от “людей с улицы”... обычно смотрят особенно подозрительно» [Гидденс 2011, 219]. В этой связи «уважение к техническому знанию обычно сочетается с прагматической установкой в отношении абстрактных систем, в основе которой лежит либо скептицизм, либо почтение» [Гидденс 2012, 220], так или иначе не выражающие позитивных установок по отношению к обладателям соответствующих знаний и навыков.

Данное положение, которое можно охарактеризовать как некое противостояние профессионалов и широкой публики (по отношению к профессионалам выступающей в позиции дилетантов) замечательно охарактеризовал еще А.И. Герцен. «Во все времена долгой жизни человечества, – писал он, – заметны два противоположные движения; развитие одного обуславливает возникновение другого, с тем вместе борьбу и разрушение первого. В какую обитель исторической жизни мы ни всмотримся – увидим этот процесс... Вследствие одного начала лица, имеющие какую-нибудь общую связь между собою, стремятся отойти в сторону, стать в исключительное положение, захватить монополию. Вследствие другого начала массы стремятся поглотить выгородивших себя, взять себе плод их труда, растворить их в себе, уничтожить монополию. В каждой стране, в каждой эпохе, в каждой области борьба монополии и масс выражается иначе, но цехи и касты непрерывно образуются, массы непрерывно их подрывают... Эта полярность – одно из явлений жизненного развития человечества, явление вроде пульса, с той разницей, что с каждым биением пульса человечество делает шаг вперед» [Герцен 1954, 43].

Тем не менее скепсис широкой публики к цеху профессионалов в сочетании с доверием их суждению сформировали цивилизацию, пик развития которой мы могли наблюдать в XX в. Это прекрасно охарактеризовал Фридрих фон Хайек, который подчеркивал, что «отдельный человек не в состоянии усвоить всё то количество фактов, от которых зависит успех деятельности в обществе. И вся наша цивилизация, таким образом, неизбежно покоится на нашем доверии к вещам, истинность которых мы не в состоянии знать в картезианском смысле» [Хайек 2006, 31]. Таким образом, писал он, «важнейшей характеристикой нашей цивилизации является то, что мы все получаем выгоду от знаний, которыми сами не располагаем... за счет использования знаний, рассеянных среди членов общества» [Там же, 34].

От доверия профессионалу к «самосотрудничеству» дилетанта

Специализация знания, развитие профессиональных экспертных сообществ и формирование доверия к ним в обществе определили и понятия дилетанта и дилетантизма в том смысле, в котором они находили самое широкое употребление до настоящего

времени. Так, например, в современном русском языке понятие дилетанта обозначает «того, кто занимается наукой или искусством без специальной профессиональной подготовки (обычно не обладая углубленными знаниями)» [Ожегов, Шведова 2006, 166]. В английском языке термин дилетант (amateur) до настоящего времени сохраняет значение «любителя», то есть занимающегося каким-либо делом «not for pay», не за деньги, то есть не как своим ремеслом. В английский язык слово «дилетант» пришло из французского, а в него, в свою очередь, из латинского, где означало «любитель», то есть делающий что-либо только из любви к этому делу, а не за плату [Merriam Webster's Dictionary 2005, 17]. Такое толкование, в частности, придает понятиям дилетанта и дилетантизма определенный смысл свободы от стандартов, установок и обязанностей, присущих профессиональному делу.

Любопытную характеристику дилетанта, на наш взгляд (что мы попытаемся обосновать ниже), чрезвычайно актуальную именно в условиях современности, дает И. Кант, сравнивая дилетанта с человеком, который «сам себя слушает» [Кант 1994, 193]. Это внимание к себе и собственному суждению (подходу, манере и т.п.) лежит в основе всего развития противостояния дилетанта и профессионала, исход которого значимо меняет на наших глазах текущий технологический прогресс. Пока этого не произошло, развитие и усложнение всей системы знаний человечества – этого третьего мира К. Поппера [Поппер 2008, 47–78] – необходимо приводит к положению, способствующему тем процессам изменения авторитета специального знания, о которых речь пойдет ниже: «Никто не может, – писал Гидденс, – стать экспертом, как в смысле овладения полноценным экспертным знанием, так и должных формальных обязательств, более, чем в нескольких маленьких областях весьма сложных систем знания, существующих на сегодняшний день. Однако никто не может взаимодействовать с абстрактными системами без овладения некоторыми элементарными знаниями о принципах, на которых они основаны» [Гидденс 2011, 286]. Этой проблематике посвящены работы ряда современных зарубежных и российских исследователей, тем не менее, остающихся на позициях «классического» понимания дилетантизма, в частности [Leadbeater, Miller 2004; Рожкова, Воронов 2015; Соломин и др. 2015, 71].

Описанное положение революционно изменилось с появлением современных информационных технологий. Развитие инструментов обработки и хранения данных позволило буквально за несколько лет создать не поддающиеся воображению объемы информационных ресурсов, доступ к которым был обеспечен через Интернет. Интернет тем самым обеспечил непрерывное подключение любого желающего к некоему «мировому разуму» – «третьему миру» К. Поппера, иллюзорное слияние с ним. Чрезвычайно быстрое развитие алгоритмизации поиска «нужных» данных, снятие проблем с переводом соответствующих данных на «нужный» пользователю язык максимально упростили этот и так чудовищно упрощенный по историческим меркам процесс добычи информации. Пользование значительной (если не большей) частью ставших таким образом доступными каждому данных всегда предполагало необходимость определенных профессионального образования и навыков. В содержании таких данных ничего не изменилось. Они остались «профессионально ориентированными», но если раньше (в доинтернетовскую эпоху) и поиск этих данных был доступен во многом лишь профессионалам, то теперь это ограничение было снято. Любой человек получил возможность познакомиться с информацией, десятилетиями, а то и веками, рассматривавшейся как, в каком-то смысле, привилегия профессионалов в той или иной области. Эта революционная трансформация «ритуалов доступа» к профессионально ориентированным данным чрезвычайно быстро изменила впечатления от результатов знакомства с ними у широких масс пользователей интернет-ресурсами. В сверхкороткие сроки сформировалась иллюзия понятности предоставляемых Интернетом данных, иными словами, объемы данных, кажущихся их потребителю (пользователю Интернета) понятными, возросли до небывалых масштабов. По всей видимости, здесь сработал целый ряд факторов, сформировавших такой вот кумулятивный эффект. Прежде всего это отмеченное еще Аристотелем стремление человека к ощущению понимания чего-

либо. «Все люди по природе [своей] стремятся к знанию» – с этих слов начинается «Метафизика» [Аристотель 2006, 28]. Всем нам нравится ощущение понимания, оно доставляет нам удовольствие, и, наоборот, непонимание, его признание – это источник негативных эмоций для нас. Вспомним слова Фрэнсиса Бэкона: «Всякое знание и удивление (которое является зерном знания) сами по себе доставляют удовольствие» [Бэкон 1977, 88].

Чрезвычайное упрощение ритуала доступа к данным сформировало ощущение удивительной простоты их понимания. А раз понять что-то просто, то мы готовы это понять, то есть поверить в то, что мы это поняли. С другой стороны, в условиях отсутствия у нас доступа к данным, которыми владеет профессионал, мы необходимо испытываем ощущение конкурентного проигрыша ему в сфере его профессиональной деятельности. Мы слабы перед ним, мы не можем с ним конкурировать, и это касается даже вопросов нашей бытовой повседневности. Мы не специалисты в области, предположим, строительных работ, кулинарии, медицины, сантехники, юриспруденции, обслуживания транспортных средств и т.п. Чрезвычайное упрощение доступа к профессиональной информации делает нас потенциальными участниками этого конкурентного соперничества с профессионалами, как бы выравнивая наши возможности.

Как пишет Томас Фридман, «никогда прежде в истории планеты у такого огромного количества людей не было возможности *самостоятельно* добыть столько информации о стольких вещах, событиях и людях. ...[любому] открывается тот же самый базовый доступ к поисковой информации, что и всем остальным. Возникает ситуация абсолютного равенства» [Фридман, 2006, 198]. Говоря о социальной роли компании Google, Фридман писал, что ей удалось «организовать громадное, кажущееся беспредельным количество доступной в Сети информации, причем организовать *конкретно для Вас* (выделено нами. – М.П., В.Р.)» [Там же, 199]. Эта иллюзия фактически персональной организации поисковика для его конкретного пользователя сыграла очень важную роль в формировании обсуждаемого нами феномена. Самостоятельный поиск данных в Сети Фридман определил как новый вид деятельности человека – «*самосотрудничество*». Согласитесь, уже сам этот термин звучит разрушительно по отношению к идее и практике доверия профессионалу. «Такое “самосотрудничество”, – пишет он, – превращает вас в вашего собственного уполномоченного исследователя, редактора и отборщика развлечений, которому нет необходимости зависеть от библиотеки, кино и телеканалов» [Там же, 200].

Последствия вхождения Интернета в нашу повседневность Фридман определил как «демократизацию информации». Удивительно интересно, в каком контексте тогда, в начале двухтысячных, характеризовал возможности, предоставляемые Google, исполнительный директор компании Эрик Шмидт: «Поиск – такая индивидуальная вещь, что обладание сверхэффективным поисковым инструментом расширяет возможности людей как ничто иное. Это антитеза к указаниям и поучениям, – это накачка потенциалом – потенциалом делать то, что ты считаешь наилучшим, с информацией, которая тебе нужна. И это намного отличается от всего предшествующего опыта. Радио работало по принципу “одно для многих”. Телефон работал по принципу “один на один”. Интернет-поиск – окончательное выражение мощи отдельного человека, использующего компьютер, смотрящего на мир и находящего то, что ему нужно, – ведь в этом ни один человек не похож на другого» [Там же, 204].

Победы нового дилетанта

Интернет подарил человеку иллюзию обладания информационным пространством, этим «третьим миром» нашего существования, иллюзию даже не выигрыша в конкурентной борьбе с себе подобными, а ее отсутствия, не «победу» над авторитетом, но его «исчезновение» в обезличенном информационном пространстве. Это, безусловно, сделало поиск информации своеобразным источником наслаждения наших современников.

Тема конкуренции с обладателями авторитета, статуса профессионала, знатоками в той или иной области знаний – отнюдь не нова. Внутривидовая конкуренция – это основа эволюции человечества. Отсюда этот аспект нашей жизни имманентен всей его истории.

Здесь можно вспомнить и мысль Аристотеля о том, что «мудрому должно не получать предписания, но предписывать, и надлежит не ему слушаться другого, но его – менее мудрому» [Аристотель 2006, 33], и утверждение Сенеки, согласно которому «взрослому же и сделавшему успехи стыдно срывать цветочки изречений, опираясь, как на посох, на немногие расхожие мысли, и жить заученным на память» [Сенека 2010, 116]. Уместными в этом случае будут и высказывания Ф. Бэкона: «Едва ли возможно одновременно и преклоняться перед авторами и превзойти их» [Бэкон 1977, 63], «И пусть ни величие авторитета древних, ни огромные фолианты современных ученых не мешают никому острым умом проникать в неизведанное» [Там же, 156].

Уже гораздо ближе по времени к нашей современности М. Вебер писал: «В наши дни мода и литературные склонности породили уверенность, что можно обойтись без специалиста или свести его роль к вспомогательной деятельности на службе “созерцателя”, интуитивно воспринимающего действительность. Почти все науки обязаны кое-чем дилетантам, часто даже весьма ценной постановкой вопросов. Однако возведение дилетантизма в научный принцип было бы концом науки. Пусть тот, кто ищет созерцаний, отправляется в кино» [Вебер 2013, 16].

Однако никогда за прошедшие тысячелетия технологические (инструментальные) новации не дарили каждому желающему столь сладостной иллюзии достижения этой победы одним лишь кликом на своем гаджете. Характерно, что, продолжая восторгаться возможностями новых технологий, Фридман, буквально на следующей странице после утверждения о том, что в поиске информации в Интернете «ни один человек не похож на другого» [Фридман 2006, 204], пишет: «Потребители информации все больше превращаются в ее производителей, все больше **привыкают** (выделено нами. – М.П., В.Р.) формировать окружающее пространство по **своему** (выделено автором) выбору» [Там же, 206]. Здесь мы фактически наблюдаем реализацию идеи «технологий себя» М. Фуко. В ее контексте технологии это один из «способов, посредством которых люди вырабатывают знание о себе» [Фуко 2008, 99], то есть понимание себя. Как отмечал Фуко, «технологии себя» используются нами с определенной целью, и можно сказать, что в современных условиях эта цель – поиск ощущения уверенности в своих силах, обретение чувства, что мир нам подвластен.

Однако кто и над кем одержал в данном случае победу? Доступность данных не изменила наших когнитивных способностей, оставшихся, в целом, такими же, какими они были и в XX в., и ранее. Даже если среднестатистический человек пожелает стать профессионалом во всех областях, данными о которых он интересуется в Интернете сегодня, он будет попросту не в состоянии этого сделать из-за своих совершенно естественных ограничений как представителя вида.

Эта ситуация очень быстро сформировала запрос массового пользователя данных на максимальное упрощение формата и содержания предоставляемой ему информации, ее максимальную схематизацию, визуализацию, уменьшение объемов использования специальной терминологии, максимальный уход от «академичности» предлагаемых материалов и т.п. Этот запрос столь же стремительно был удовлетворен.

Рассматриваемое положение, с одной стороны, стало приводить к стремительному обесцениванию социального статуса профессионального образования и профессиональных навыков, с другой – создало широчайшие новые возможности для манипуляции впечатлениями и действиями потребителей соответствующих данных. Наша индивидуальность в Сети иллюзорна, поскольку мы на самом деле действуем по сценарию, заданному алгоритмом [Карр 2012, 224].

Развитие технологий индивидуализации поисковых алгоритмов, «обучающихся» в процессе обработки запросов пользователя Сети, усиливает обсуждаемые тенденции. Яркий пример здесь – индивидуальная лента новостей, формирующаяся в настоящее время в социальных сетях на основе «подписок» потребителя информации. Такой

сценарий выбора информационных источников создает устойчивую иллюзию не только понимания поступающей информации, но и управления ее потоками. Как отмечает Е.Ю. Журавлева, «экстенсивное использование все увеличивающегося количества данных (технологий их получения) увеличивает доверие к алгоритмам анализа и принятия решений» [Журавлева web].

Сказанное выше свидетельствует о том, что мы являемся современниками обусловленного развитием технологий значительного изменения роли дилетантизма в общественных отношениях. В настоящее время мы наблюдаем как, согласно провидению А.И. Герцена, «pour la bonne bouche (напоследок – франц.) цех человечества обнимет все прочие» [Герцен 1954, 44]. Однако не означает ли такое рождение глобального «цеха» дилетантов, что вместо философии, как в 1981 г. мечтал Ю. Хабермас, место «интерпретатора-посредника», позволяющего «разуму, распавшемуся на свои моменты, сохранить свое единство в пределах культурных областей», а «культуре экспертов, принявшей недосыгаемые эзотерические формы, поддерживать взаимосвязь с повседневной коммуникативной практикой» [Хабермас 2001, 32, 30], занимает интернет-алгоритм поиска данных?

Заключение

Заканчивая статью, отметим, что ее можно считать приглашением к обсуждению технологий не только как инструментального обеспечения деятельности человека и одновременно внешней среды его существования, но и как части нас самих, в контексте общих вопросов философии человека, в частности, проблемы его самоидентификации. Такое приглашение звучит отнюдь не впервые. Однако, с нашей точки зрения, процессы развития информационных технологий, характеризующие современность, значимо актуализируют именно такой подход к осмыслению технологического прогресса.

Под воздействием развития современных информационных технологий могут измениться место и роль доверия человека самому себе в процессе познания мира и активного взаимодействия с ним. «Исчезновение» профессионала предлагает потребителю данных чувство победы в конкурентной борьбе. Созданная технологиями общедоступность глобального комплекса данных формирует иллюзию потери профессионалами конкурентного преимущества перед дилетантами. Описываемый процесс, с нашей точки зрения, обесценивает индивидуальное (связанное с конкретной личностью) профессиональное суждение как источник знания, а также обезличивает это суждение. Роль источника информации фактически переходит к поисковым алгоритмам, выступающим в роли квазиличности, с которой человек взаимодействует. Это свидетельствует о том, что в настоящее время мы наблюдаем изменения в наборе факторов, формирующих поведение человека. Доверие к экспертным системам уступает место доверию к результатам собственного взаимодействия с доступной частью глобального мира данных.

Здесь становится очевидным один из парадоксов современности. С одной стороны, индивид все чаще остается «один на один» с глобальным миром данных. В этой ситуации, приветствуя исчезновение профессионала как посредника между собой и глобальным информационным пространством, дилетант, получая иллюзию информационного могущества, фактически становится гораздо более беспомощным, «принимаемая» решение, в действительности заранее обусловленное. С другой стороны, такой процесс получения сведений формирует феномен «присвоения знания» – иллюзию обладания им еще до знакомства с предложенными алгоритмом данными, что безусловно способствует снижению экзистенциальной тревожности. В этом случае имеет место технологическое обеспечение определенного еще Аристотелем стремления к удовлетворению от ощущения понимания.

Сказанное позволяет дать следующее определение современному дилетантизму: это формируемая развитием информационных технологий самоидентификация человека как субъекта, способного принимать решения и действовать на основе иллюзии непосредственного взаимодействия с глобальной средой данных посредством предлагаемых ему поисковых алгоритмов. Иллюзорность такого взаимодействия объясняется

наличием у любой технологии объективного автора, который для широкого потребителя данных остается вне этого взаимодействия, то есть как бы в нем не участвует.

На наш взгляд, поднятая проблема требует более глубокого изучения не только с философских позиций: степень ее важности и потенциал возможного влияния на развитие общества делают современный дилетантизм необходимым предметом исследования социологии, психологии, экономики, права и других областей социального знания.

Источнику – Primary Sources and Russian Translation

Адорно web – Адорно Т. О технике и гуманизме // Арзаканян Ц.Г., Горохов В.Г. (сост. и предисл.). Философия техники в ФРГ / Пер. с нем. и англ. М.: Прогресс, 1989. С. 364–371. https://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/adorno/tehgum.php (Adorno Th. W. *Über Technik und Humanismus*. Russian translation).

Аристотель 2006 – *Аристотель*. Метафизика / Пер. с греч. П.Д. Первова и В.В. Розанова. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2006 (Aristotle. *Metaphysics*. Russian translation).

Белл 2004 – Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 2004 (Bell D. *The Coming of Post-industrial Society. A Venture of Social Forecasting*. Russian translation).

Бердяев web – Бердяев Н.А. Человек и машина (проблема социологии и метафизики техники) // Путь. 1935. № 38. С. 3–37 // <http://www.odinblago.ru/path/38/1> (Berdyayev N. *Man and Machine*. In Russian).

Бэкон 1977 – Бэкон Ф. О достоинстве и приумножении наук // Бэкон Ф. Сочинения в двух томах. 2-е испр. и доп. изд. Т. 1 / Пер. Н.А. Федорова. М.: Мысль, 1977. С. 417–451 (Bacon F. *The Advancement of Learning*. Russian translation).

Бэкон 2005 – Бэкон Р. Opus majus (Большое сочинение) // Бэкон Р. Избранное. М.: Издательство францисканцев, 2005 (Bacon R. *Opus majus*. Russian translation).

Вебер 2013 – Вебер М. Избранное: Протестантская этика и дух капитализма. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013 (Weber M. *Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus*. Russian translation).

Винер web – Винер Н. Кибернетика и общество. Москва: Изд-во иностранной литературы, 1958 // <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000816/st000.shtml> (Wiener N. *The Human Use of Human Beings: Cybernetics and Society*. Russian translation).

Герцен 1954 – Герцен А.И. Дилетантизм в науке // Герцен А.И. Собр. соч. В 30 т. Т. 1. Дилетантизм в науке. Письма об изучении природы. 1842–1846. М.: Изд-во АН СССР, 1954. С. 7–88 (Herzen A. *Diletantism in Science*. In Russian).

Гидденс 2011 – Гидденс Э. Последствия современности. М.: Праксис, 2011 (Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Russian translation).

Кант 1994 – Кант И. Критика способности суждения. М.: Искусство, 1994 (Kant I. *Kritik der Urteilskraft*. Russian translation).

Капп web – Капп Э. Органическая проекция // Капп Э., Нуаре Л., Эспинас А. Роль орудия в развитии человека. Л.: Прибой, 1925 // <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3479/3481> (Kapp E. *Organprojektion*. Russian translation).

Маклюэн, Фиоре 2012 – Маклюэн М., Фиоре К. Война и мир в глобальной деревне / Пер. с англ. И. Летбергера. М.: АСТ: Астрель, 2012 (McLuhan M., Fiore Q. *War and Peace in the Global Village*. Russian translation).

Мамфорд web – Мамфорд Л. Миф машины. Т. 1. Техника и развитие человечества. М.: 2001 // <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3115> (Mumford L. *The Myth of the Machine. Vol. 1. Technics and Human Development*. Russian translation).

Моль 1973 – Моль А. Социодинамика культуры. М.: Прогресс, 1973 (Moles A. *Sociodynamique de la culture*. Russian translation).

Моррис 2018 – Моррис Д. Голая обезьяна // Моррис Д. Голая обезьяна. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018. С. 9–280 (Morris D. *The Naked Ape*. Russian translation).

Ожегов, Шведова 2006 – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 4-е, доп. М.: А ТЕМП, 2006 (Ozhegov S., Shvedova N. *Explanatory Dictionary of Russian*, 4th ed. In Russian).

Поппер 2008 – Поппер К.Р. Знание и психофизическая проблема: В защиту взаимодействия. М.: ЛКИ, 2008 (Popper K. *Knowledge and Psychophysical Problem: In Defense of the Interaction*. Russian translation).

Сенека 2010 – Сенека Л. Нравственные письма к Луцилию / Пер. с лат. С.А. Ошерова. М.: Эксмо, 2010 (Seneca the Younger. *Moral Letters to Lucilius*. Russian translation).

Торфлер 2002 – *Торфлер Э.* Шок будущего: Пер. с англ. М.: АСТ, 2002 (Toffler A. *Future Shock*. Russian translation).

Фридман 2006 – *Фридман Т.* Плоский мир: краткая история XXI века. М.: АСТ, 2006 (Friedman Th. *The World is Flat: A Brief History of the Twenty-first Century*. Russian translation).

Фуко 2008 – *Фуко М.* Технологии себя // *Логос*. 2008. № 2. С. 96–122 (Foucault M. *Technologies of the Self*. Russian translation).

Хабермас 2001 – *Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001 (Habermas J. *Moralbewusstsein und kommunikatives Handeln*. Russian translation).

Хайдеггер web – *Хайдеггер М.* Вопрос о технике // Хайдеггер М. *Время и бытие* (статьи и выступления). М.: Республика, 1993 // http://www.bibikhin.ru/vopros_o_tekhnike (Heidegger M. *Die Frage nach der Technik*. Russian translation).

Хайек 2006 – *Хайек, фон Ф.А.* Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики. М.: ИРИСЭН, 2006 (Hayek F. *Law, Legislation and Liberty: A New Statement of the Liberal Principles of Justice and Political Economy*. Russian translation).

Ссылки – References in Russian

Журавлева web – *Журавлева Е.Ю.* Вызовы технологий «больших данных» для современных социогуманитарных наук // *Вопросы философии*. 2018. № 9 // http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2040&Itemid=52

Карп 2012 – *Карп Н.* Пустышка. Что интернет делает с нашими мозгами. М.: BestBusiness Books, 2012.

Льюис 2004 – *Льюис М.* Next. Будущее уже началось / Пер. с англ. М. Ольховской. СПб.: Крылов, 2004.

Рожкова, Воронов 2015 – *Рожкова А.С., Воронов Ю.М.* Любители и профессионалы: новый дилетантизм в обществе знаний // *Интеллигенция и мир*. 2015. № 3. С. 113–130.

Соломин и др. 2015 – *Соломин В.П., Пигров К.С., Султанов К.В.* Дилетантизм как проблема новоевропейской цивилизации // *Общество. Среда. Развитие*. 2015. № 4. С. 68–73.

Форд 2016 – *Форд М.* Роботы наступают. Развитие технологий и будущее без работы. М.: Альпина нон-фикшн, 2016.

Фрэнк 2013 – *Фрэнк Р.* Дарвиновская экономика: Свобода, конкуренция и общее благо. М.: Изд. Института Гайдара, 2013.

Храпов 2019 – *Храпов С.А.* Кризис сознания: «когнитивный ответ» техногенной цивилизации // *Вопросы философии*. 2019. № 1. С. 88–95.

Шваб 2019 – *Шваб К.* Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо, 2019.

References

Carr, Nicholas (2011) *The Shallows: What the Internet is Doing to Our Brains*, W.W. Norton & Company, N.Y., London.

Ford, Michael (2015) *Rise of the Robots: Technology and the Threat of a Jobless Future*, Basic Books. N.Y. (Russian translation).

Frank, Robert (2011) *The Darwin Economy: Liberty, Competition, and the Common Good*, Princeton University Press, Princeton (Russian translation).

Khrapov, Sergei (2019) “Crisis of Consciousness: ‘Cognitive Response’ of Technological Civilization”, *Voprosy filosofii*, Vol. 1, pp. 88–95 (in Russian).

Leadbeater, Charles, Miller, Peter (2004) *The Pro-Am Revolution: How Enthusiasts Are Changing Our Society and Economy*, Demos, London.

Lewis, Michael (2001) *Next. The Future Just Happened*, W.W. Norton & Company (Russian translation).

Marriam Webster (2005) *Marriam Webster’s Dictionary of Basic English*, Marriam Webster’s Inc.

Rozhkova, Anna, Voronov, Yuri (2015) “Amateurs and Professionals: New Dilettantism in the Knowledge Society”, *Intelligentsia i mir*, Vol. 3 (2015), pp. 113–130 (in Russian).

Schwab, Klaus M. (2016) *The Fourth Industrial Revolution*, World Economic Forum (Russian translation).

Skolimowski, Henryk (1966) “The structure of thinking in technology”, *Technology and Culture*, Vol. 7, No. 3, pp. 371–383.

Solomin, Valery, Pigrov, Konstantin, Sultanov, Konstantin (2015) Dilettantism as the Problem of the Modern European Civilization, *Society. Environment. Development*, Vol. 4 (2015), pp. 68–73 (in Russian).

Zhuravleva, Elena (2018 web) “Calls Technologies ‘Big Data’ for the Modern Social Sciences and Humanities”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 9, http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2040 (in Russian).

Сведения об авторах

ПЯТОВ Михаил Львович –
доктор экономических наук, профессор
кафедры статистики, учета и аудита,
Санкт-Петербургский государственный
университет.

РОГОЖНИКОВА Варвара Николаевна –
кандидат философских наук, доцент
кафедры философии и методологии экономики,
Московский государственный университет
им. М.В. Ломоносова.

Author’s Information

PYATOV Michail L. –
DSc in Economics, professor,
Saint-Petersburg State University.

ROGOZHNIKOVA Varvara N. –
CSc in Philosophy, associate professor,
Lomonosov Moscow State University.